

— Тебе не нравится эта картина?

— Какая?

— Рябова. «Портрет жены художника».

— Нет. В ней мало труда. — И добавил: — А значит, и мало чуда.

Фильм называется «Портрет жены художника» и поставлен режиссером-дебютантом Александром Панкратовым (до этого он снял короткометражку «Лаборатория»).

«В ней мало труда» — в этих словах, пожалуй, ключ к пониманию героя фильма и, кстати, других его героев и того, что вообще хотел сказать молодой режиссер об очень скромном куске жизни, представленном нам на экране. И поэтому прежде всего, по первому слою, этот фильм о человеке-труженике.

Картина действительно очень скромна по масштабу событий и действующих в ней лиц. Она, пожалуй, даже намеренно скромна — и от этого слова никуда не деться во всех наших рассуждениях о фильме «Портрет жены художника». Куда-то в тихую пригородную периферию переносит нас действие ленты, и центром его становится талантливый, как видно (мы потом объясним, почему), художник, уже не очень молодой человек, которого мы застаем в момент сложного душевного состояния. Можно было бы даже определить его, как «кризис» — в самом деле, когда-то выставлялся на вернисажах, имя его было известно, а теперь рисует скромные заставки и иллюстрации к книгам, — но, пожалуй, все-таки мы не будем определять это таким уж жестким и окончательным словом. Потому что это нам, зрителям, по первому впечатлению, и его жене, кстати, тоже кажется, что перед нами — кризис, тупик (рисует человек без конца то одну и ту же сороку, то ядруг какого-нибудь дятла). Однако есть в этих сороках и дятлах (мы видим на экране эти эскизы) что-то по-человечески мудрое и печальное, и когда потом художник с ожесточением рвет свои листы, как-то и впрямь сжимает сердце, словно по живому режут.

Труд души человеческой — вот такую тему захотел взять в своем первом большом фильме А. Панкратов. Эта тема, однако, предомысливается как бы в трех разных гранях. Не только в герое Сергея Шакурова, но и в его внутренних оппонентах, какими представляется жена художника Нина (В. Теличкина) и особенно некий Борис Петрович (Н. Михалков), очень деловой человек, которого Павел и Нина

одну, две, даже три остроумно и с блеском созданные части?

...Аркадий Сиренко, снявший когда-то в «Дебюте» «Ветеранов», рассказал о девочках из банного отряда, идущих за солдатами и стирающих за ними грязное белье — это могло быть и излишне натуралистично, и излишне жестоко, но это стало чисто и возвышенно. Слово девочкам, чтобы воспарить над огром-

Но чем дальше мы смотрим фильм, тем острее, больше и глубже вступает в сознание «шлемоносцев» идея сопричастности с войной.

Самое, пожалуй, неожиданное — это то, что в «Роднике» вообще нет войны как таковой. Есть только предощущение ее, предчувствие — огромной народной беды, которая темной тучей бродит где-то вокруг Усвятыя, ждет, наживаясь и разбухая, готовая

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

Рассказываем о новых работах молодых кинематографистов

случайно встречаются в одном, на редкость толково организованном пансионате.

Итак, снова столкновение неутоленной духовности и железного прагматизма — спросит читатель? И да, и нет. Снова эта вечная, критическая раздвоенность в ответе на самые простые и явные вопросы. Однако же дуэт таких актеров, как Шакуров и Михалков, не позволяет нам заключить их столкновение в прокрустово ложе однозначных ответов. Так, вероятно, должно бы быть, так хотелось бы, чтобы было — но вот так одномерно не получается. Ведь и этот удачливый Борис куда как не прост и, чувствуется, только хотел бы производить впечатление неуклонного движения вверх по лестнице, ведущей вниз.

И все-таки предмет нашего сегодняшнего разговора — не разбор одной, отдельно взятой, хотя и интересной картины, а попытка рассмотреть вообще проблему первой большой ленты после интересного дебюта. Проблему короткого и долгого дыхания. Очень, между прочим, насущную для нашего сегодняшнего молодого кино. Потому что режиссеров приходит много, имена мелькают, вспыхивают, слепят, мы тоже радостно вспыхиваем вместе с ними: «Ах, какой дебют, какой дебют!» Дебютов и в самом деле не счесть, но ведь, положила руку на сердце, разве назовешь истинным вхождением в большое кино

ними чанами с солдатскими рубашками, нужна была какая-то особая сила сопротивления. Вера в то, что жертвы не напрасны, что боль и грязь, бинты и кровь не отодвинут света дня, что тяжкий труд войны взойдет семенами радости, любви, надежды. Поэтому неправильно, наверно, было бы сказать, что маленькая картина «Ветераны» — о несовместимости войны и жизни, нет, она — об их горькой и трагической гармонии, если так выпало на долю поколения.

О том же, пожалуй, и его новая полнометражная лента «Родник», снятая по «Усвятским шлемоносцам» Евгения Носова. И тоже есть непреодолимое искушение сказать о противостоянии войны и мира в душах человеческих — ведь речь идет о том, как в мирную сибирскую деревню, где растут детей и хлеб, только еще прилаживают на столбах радио и только прилаживаются к счастью семейной жизни, приходит весть о войне. Да, есть противостояние — оно во всем. Картина еще в большей степени, чем «Ветераны», — в русле поэтического кино, и умышленно утренней росой пейзажи оператора Элизбара Караваева, портреты усвятских жителей, снятые как неторопливое былинное сказание, тоже говорят о том, насколько чудовишно неожиданна здесь сама мысль о насильственной смерти.

вот-вот обрушиться на мирные бледно-золотые поля, на белые головы касьяновых детей, на все это, казавшееся таким основательным семейным гнездом.

Дед Селиван, деревенский мудрец и философ, рассказывает Касьяну, откуда взялось его имя — Касис, так звали шелома война Александра Македонского, отсюда нареченный быть Касьяном от роду призван в шлемоносцы — войны. И такая былинная патриархальность резко «сшибается» режиссером фильма с заведомо «просторечной», можно даже сказать, простецкой манерой игры Владимира Гостюхина в роли Касьяна — он ни в чем не насилует себя, не «воспаряет» в предельно органичном, хорошо нам знакомом, непринужденном стиле исполнения: таким Касьяном и мог бы быть в той, реальной жизни. И такой Касьян любопытно соединяется с неторопливо-сказочным делом Селиваном — Иваном Лапиковым и песенной, жалостливой, словно Ярославна из плача, Натальей.

И в том и другом случаях — и в «Портрете жены художника» и в «Роднике» — это еще и литература, легкая в их основу. Хорошо, что оба молодых режиссера обратились в своих дебютах к очень сложному, хотя, наверно, и единственно надежному источнику, предельно доверившись ему, но и одновременно отвязавшись на поединок с хощей прозой.

В. ИВАНОВА.